

МИРОВОЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В конце апреля 2012 года в Бухаресте состоялась очередная встреча министров образования 47 стран-участниц Болонского процесса. В итоговом документе бухарестской встречи министров отмечено, что «высшее образование должно быть основой наших усилий по преодолению кризиса – теперь в большей степени, чем когда-либо. С этой точки зрения мы рассматриваем обеспечение максимально возможного уровня государственного финансирования высшего образования и привлечение других соответствующих источников как инвестиции в наше будущее»

Такие встречи министров образования Европы проводятся раз в два года, и действительно, речь там идет уже не столько о Болонской конвенции, сколько о европейском пространстве высшего образования – каким образом его построить, согласовывая правила организации системы высшего образования в разных странах. На этот раз речь зашла, в том числе, и о необходимости наращивать возможности финансирования системы образования. Тема возникла в связи с решением правительства Великобритании о повышении с 2012 года платы за обучение в британских университетах для привлечения в высшую школу дополнительных ресурсов. По этому поводу на встрече развернулась большая дискуссия: а насколько такой «английский вариант» подходит и другим европейским странам? Не все участники встречи согласились, что этот способ привлечения ресурсов оптимален. В результате обсуждения для итогового документа была выработана формулировка об особой актуальности вопроса финансирования образования, соответственно и вопроса поиска источников финансовых ресурсов. Однако каждая страна вольна сама определять, где эти дополнительные источники она найдет. Либо это будет бюджет, либо средства граждан, либо работодателей.

Бюджетное планирование расходов на образование в России предполагает их рост. Относительное снижение было связано с тем, что к 2013 году заканчивается реализация ряда федеральных целевых программ (ФЦП), заканчивается их финансирование. Но сейчас на смену завершенным ФЦП готовятся следующие – они планируются в рамках проекта новой государственной программы «Развитие образования», который пока не отражен в бюджете. В любом случае расходы на систему образования, выросшие с 2004 года по настоящее время с 500 млрд более чем на 2 трлн рублей, говорят о том, что динамика и в дальнейшем будет положительной. Разговоры о снижении затрат на профессиональное образование в основном связаны с тем, что с 2012 года систему среднего профессионального образования (СПО) передали в регионы, а взамен из регионов на финансирование из федерального бюджета перевели систему правоохранительных органов. Но систему СПО передали регионам не

поэтому, а в связи с тем, что в законодательстве о разделении полномочий между федеральным центром и регионами еще в 1992 году была записана норма о том, что система среднего профессионального образования – это компетенция регионов. И в соответствии с этим законом постепенно, год от года эта передача полномочий происходила. На сегодняшний день практически все учреждения СПО в регионы уже передали.

Однако, некоторые общественные объединения, в частности, однопрофильных ссузов, высказывают сильную обеспокоенность тем, что в результате передачи региону часть учреждений окажется просто ненужной, поскольку в регионе такой отрасли экономики нет. А что значит – «региону не нужны»? Нет необходимых рабочих мест? И неужели выпускников все равно надо готовить, даже если они потом не смогут найти работу? Согласитесь, странный подход.

Цель передачи как раз в том, чтобы деятельность профессиональных учебных заведений приблизить к реальным потребностям регионального рынка труда. Такое положение давно было законодательно закреплено, хотя на практике большая часть ссузов оставалась на федеральном уровне. В результате, по каким направлениям готовить кадры, скажем, на Чукотке, решалось в Москве. Иногда доходило даже до таких курьезов: в Якутии собрались открыть подготовку оленеводов. Но поскольку специальности «олeneвод» не было в перечне направлений подготовки, то пришлось готовить оленеводов наиболее близкому по направлению «жокей».

Дискуссии по поводу передачи системы СПО в ведение регионов, конечно, были, но надо сказать, федеральное министерство и его подразделения проделали огромную работу: встречались с региональными властями, с руководством каждого учебного заведения. Практически по каждому из 700 учреждений, которые переданы в регионы, обсуждены все нюансы, включая вопросы устава учебного заведения, его бюджета и прочее.

На бухарестской встрече особое значение уделили болонскому принципу «обучения в течение всей жизни». Пока Россия по реализации этого принципа значительно отстает. В планах государства создание 25 млн современных рабочих мест, а эксперты говорят, что это потребует налаживания системы именно повышения квалификации кадров, и это может стать неплохим импульсом для выстраивания такой системы. Какой она должна быть? На чьи плечи в основном ляжет эта миссия переподготовки кадров: на вузы, или компании-работодатели, или ресурсные центры?

В рамках болонского принципа «обучение в течение всей жизни» – у нас не самая плохая ситуация. Россия находится на уровне таких стран, как Венгрия, Чехия, Словакия. Есть специальная методика Совета Европы по оценке уровня участия граждан в непрерывном образовании. Она основывается на суммарных данных численности граждан разных возрастных категорий (от 25 до 55 лет), получивших второе высшее образование через различные форматы: самостоятельно, через курсы

повышения квалификации, включая внутрифирменную подготовку и т. п. Как показали последние исследования, в Европе этот сводный показатель уровня участия граждан в непрерывном образовании вырос. Как ни странно на первый взгляд, толчком для этого роста послужил кризис: когда масса предприятий оказалась в сложной ситуации, они стали перепрофилировать рабочие места и переобучать своих сотрудников. В России аналогичный показатель включенности граждан в непрерывное образование за последние годы также вырос – с 22–23 % до сегодняшних 26–27 %. Не кардинально, но тем не менее. Оптимальный показатель для развития инновационной экономики – это порядка 40 %. И у нас есть разные сценарии, к какому году и каким образом мы сможем выйти на обозначенный целевой показатель развития непрерывного образования в стране.

Несколько лет назад была озвучена цифра – примерно 5–7 млн россиян необходимо проходить через систему переобучения и повышения квалификации ежегодно. Однако здесь кроется проблема. Мы отстаем не столько по показателю второго высшего образования – как раз второе высшее получает немало россиян, – а по самообразованию и дополнительному образованию. В этих направлениях у нас показатели не столь высоки, как хотелось бы. Дополнительное образование связано в первую очередь с организацией системы внутрифирменной подготовки кадров. Многие работодатели говорят, что им пока проще принять на работу молодого человека, чему-то научить его непосредственно на рабочем месте, чем выстраивать систему переобучения или повышения квалификации имеющихся кадров. Поэтому в России и невысокий уровень молодежной безработицы, по сравнению с европейскими странами.

Что касается создания 25 млн современных рабочих мест для инновационной экономики, понятно, что создать их исключительно за счет подготовки студентов не получится. Высшие учебные заведения ежегодно выпускают около 700 тыс. молодых людей, понадобится 30–40 лет, чтобы обеспечить эти рабочие места только за счет выпускников высшей школы. Поэтому необходимо задействовать все ресурсы для организации системы повышения квалификации и переобучения. Что, в общем, и планируется всячески стимулировать.

Какова архитектура такой системы? Целостная конструкция пока только обсуждается. И здесь речь идет об изменении форматов контроля со стороны государства. Имеется в виду переход от практиковавшейся системы государственной аккредитации образовательных программ в системе дополнительного образования на систему сертификации – более гибкую и мобильную. Чтобы такие программы можно было своевременно перестраивать в соответствии с быстро меняющимися технологиями. Правда, предусмотрено, что для определенных направлений переподготовки – в частности, в области медицины, педагогики или государственной службы – будут разработаны соответствующие

примерные программы на основе стандартов, которые обеспечивали бы обязательный набор компетенций. Например, все государственные служащие обязательно должны пройти подготовку в области антикоррупционного законодательства.

Реализовываться эти требования могут через формат государственного задания или заказа со стороны учредителя или другого заказчика образовательных программ. Это и есть, по сути, финансирование по результатам, введенное Федеральным Законом № 83-ФЗ.

Обсуждаются и другие меры. Например, введение специальной грантовой поддержки программ дополнительного образования или возможности расширения спектра этих программ в вузовском секторе; развитие внутрифирменной подготовки кадров за счет привлечения зарубежных организаций. Эти подходы сейчас прорабатываются.

Одной из базовых, краеугольных идей Болонского процесса всегда называлась «доступность высшего образования» для всех групп населения стран-участниц. Заявление о сокращении бюджетных мест в вузах и значительное повышение стоимости коммерческих мест по целому ряду направлений (при неразвитости системы образовательных кредитов) может нарушить этот базовый принцип. Однако, у нас есть законодательно закреплённая норма : 170 студентов с бюджетным обеспечением на 10 тыс. населения. Есть предложения по изменению этой нормы – 800 студентов на 10 тыс. населения в возрастной группе от 17 до 30 лет. Это те бюджетные места, которые государство выделяет на высшее образование. Второе, у нас есть правовая норма: если в государственном вузе организуются внебюджетные места обучения, то стоимость коммерческого обучения не должна быть ниже, чем затраты государства на бюджетное место. Иначе получается, что бюджет субсидирует и внебюджетное обучение.

Что касается доступности высшего образования, то болонские принципы совсем не предусматривают, что должна быть обеспечена всеобщая доступность. Эти принципы подразумевают равнодоступность – то есть прозрачные, понятные и равные для всех условия получения высшего образования. И в Европе показатель доступности связывается, в первую очередь, не с охватом высшим образованием, а с наличием ясных правил его получения для всех категорий населения. У нас это Единый государственный экзамен, который уже не первый год проходит в штатном режиме.

Каковы еще результаты встречи в Бухаресте? Участники уделили внимание «третьему циклу» – подготовке докторантов для развития в европейском образовательном пространстве новых перспективных научных исследований. Как должна развиваться российская докторантура в данном контексте? Какие новые проекты и инициативы государство, профильное министерство будет предпринимать?

Действительно, почему-то в российском медиапространстве «болонская система» прочно ассоциируется с двухуровневым образованием. Хотя ни в одном болонском документе о двухуровневом образовании речи не идет. Всегда речь шла о трех циклах образования. Первый – частично общеобразовательная, частично профессиональная программа, которая называется бакалавриатом. Вторая – степень магистра (мастера), означающая, что человек уже сориентировал те или иные нужды собственной профессии, либо научной деятельности. И третий цикл связан с выполнением научно-исследовательской работы и ее соответствующим признанием – это докторская или кандидатская степени. Однако во многих странах этот третий цикл имеет различные вариации, например, во Франции и Германии он имеет две ступени. В России схожая система – кандидатская и докторская степени, и в этом смысле это и есть третий цикл, то есть мы вписываемся под принятое в европейском образовательном пространстве содержание третьего цикла. И стоит ли что-то ликвидировать, стоит ли сводить кандидатскую степень с докторской в нечто одно, пока решения нет.

Как в целом можно оценить нынешний уровень включенности российской системы профессионального образования в Болонскую систему? Какие наиболее проблемные темы? В данном случае принято оценивать уровень включенности стран-участниц Болонского процесса по каждому из аспектов, по которым он развивается. По ряду направлений Россия достигла неплохих результатов:

- создание системы равнодоступности к высшему образованию;
- переход на трехциклическую систему образования;
- сохраняются неплохие показатели по государственному финансированию системы образования – расходы растут, в отличие от многих других стран;
- в системе работают грантовые программы, по поддержке программ интеграции образования и науки;
- стали выравниваться показатели участия студентов, студенческих объединений в управлении образованием.

К сожалению, есть позиции в которых мы отстаем: это создание системы общественно-профессиональной оценки вузовских образовательных программ. Это обусловлено несколькими причинами. Одна из них заключается в том, что в России только формируется профессиональное экспертное сообщество по оценке качества образования. Еще мало людей, которые могут заниматься такой экспертизой на профессиональном уровне. И не только в секторе ВПО, но и на других уровнях образования. Например, есть проблемы с наличием квалифицированных специалистов, которые способны составлять оценочные задания, делать современные контрольно-измерительные материалы для ЕГЭ. Очень робкие попытки делаются и со стороны работодателей, других общественных объединений по включению в

оценку качества образования. Развитие данного направления остается приоритетным.

Время от времени мы слышим, что в России необходимо определенное количество вузов, сейчас их слишком много. С учетом демографических процессов разумное сокращение в перспективе будет происходить. В СССР на 240 млн жителей было 1,5 млн студентов, сейчас на 145 млн граждан – 7 млн студентов. Это явно ненормальная ситуация. В качестве регулятора здесь будут выступать адекватные требования к качеству обучения. В Японии, например, 90 % рабочих имеют высшее образование, включая высшее образование, полученное в колледжах. Вместе с тем, в Японии рабочие места такие, что требуют зачастую высокой квалификации, высшего образования. Это будет и в России. Прикладной бакалавриат именно для этого развивается. Да, граждане хотят учиться востребованной, современной, привлекательной специальности. Это естественное желание человека, которому бессмысленно со стороны государства прямым образом противостоять. Но и пустить на некий неконтролируемый самотек обучение специальностям, с которыми человек потом не найдет себе работу, – этот по сути обман, государство тоже не имеет права себе позволить.

Актуально сегодня прогнозирование государством потребностей экономики и рынков труда. Совершенно справедливо говорится, что в условиях быстро меняющихся технологий спрогнозировать, какие специальности будут востребованы даже через пять лет, очень сложно. Но Россия вступила в ВТО более десяти лет, а соответствующие кадры для этого практически не подготовила. Китай тоже долго вел переговоры по ВТО, но одновременно подготовил за эти годы порядка сотни тысяч соответствующих специалистов – юристов, экономистов со знанием международных норм права и торговли? Почему в России сложилась такая ситуация? К сожалению, мы меняем образовательные стандарты, не имея при этом необходимого спектра стандартов профессиональных. Китай действовал проще: копировал западные профстандарты, переносил их на свой рынок труда и корректировал образование в соответствии с ним. В какой-то степени и мы это делаем. Так, раньше всех из отечественных работодателей сформировали свои профессиональные стандарты рестораторы и отельеры. Полагаю, что одним из значительных, содействующих этому факторов явилось не только то, что рестораторы и отельеры смогли объединить усилия для подобной работы (а это важно!), но и то, что эти секторы экономики менялись в постсоветской России наиболее динамично, стараясь достичь общепринятых международных стандартов. А вот инженерные, юридические практики значительно хуже передаются и мультиплицируются. Тем не менее движение в эту сторону идет. Свои профессиональные стандарты уже подготовила ассоциация работодателей IT-сферы, работают в этом направлении авиастроители, судостроители.

Вокруг профессиональных стандартов велось очень много дискуссий, основным моментом которых был вопрос о том, кто должен отвечать за разработку профессиональных стандартов – государство и чиновники или рынок труда и работодатели? Минздравсоцразвития (сегодня – Минсоцтруда) – ведомство, в чьей компетенции сегодня находится эта тема, подготовило соответствующий законопроект.

Экспертные группы «Стратегии-2020» подготовили итоговые документы, в которых дали свои оценки и рекомендации, как двигаться дальше, в том числе в системе образования. Дискуссия о стратегиях образования в мире идет уже с начала 70-х годов прошлого века, когда вышла книга Феликса Кумбса «Кризис в образовании». И ее основная мысль такова: что бы мы ни замыслили, чему и как учить, образование все время будет несколько отставать от развития новых знаний и технологий. Потому что пока будут написаны учебники, пока пройдут переподготовку преподаватели, пока пройдет само обучение, к тому времени уже опять все изменится. Это общемировая проблема.

Экспертная группа Стратегии-2020 экстраполировала эту проблему в общенациональный масштаб: как должна реагировать на этот вызов времени отечественная система образования? Превращением образования в такой общественный институт, где даются знания, но в первую очередь строится само отношение к знаниям, строится умение учиться и анализировать окружающую действительность. Например, школа должна стать пространством обсуждения и построения жизненных траекторий, а учитель – помощником, который способствует обсуждению и пониманию мира. Так видится модель учителя, школы и образования в будущем.

Вопросы увеличения числа иностранных студентов, обучающихся в московских колледжах по специальностям СПО, стали главными на III Межрегиональном и международном круглом столе «Формирование механизма международного сотрудничества с зарубежными колледжами в условиях интернационализации», который состоялся в Московском колледже малого бизнеса № 48. Организаторами выступили НИИ развития профессионального образования (г. Москва), Центр изучения проблем профессионального образования, Международная ассоциация профессионального образования IVETTA.

Участники дискуссии рассматривали проблему интернационализации образовательных программ СПО с двух сторон. Во-первых, высказывали мнения о том, как увеличить долю иностранных студентов, обучающихся в московских колледжах по специальностям СПО, и привлечь иностранных преподавателей для работы в штате колледжа. Во-вторых, решали, как сократить отток российских абитуриентов за рубеж на основе внедрения проекта двойных дипломов – российского и европейского.

В работе круглого стола принял участие второй секретарь посольства Палестины в РФ г-н Ахмад Хазаал, выразивший надежду на ускорение

взаимовыгодного сотрудничества московских колледжей и стран Ближнего Востока.

Профессиональное образование является одним из важнейших конкурентных преимуществ России. Это отмечено в государственной программе «Столичное образование» (г. Москва), которая включает в число приоритетов «обеспечение международной конкурентоспособности системы образования города».

Вступление России в ВТО и подписание Генерального соглашения по торговле услугами сделали вопрос интернационализации образования еще более актуальным. Соглашение определяет четыре способа поставки образовательных услуг:

- путем разработки и внедрения трансграничных форматов и программ;
- через обучение иностранных студентов в российских учреждениях профессионального образования;
- обеспечение коммерческого присутствия учебных заведений в странах-партнерах (сетевые колледжи, филиалы и представительства за рубежом);
- работа российских преподавателей в зарубежных колледжах.

Однако на фоне высокого уровня образованности населения и постоянно растущего внутреннего рынка образовательных услуг доля России в международном рынке фактически снижается: по данным ОЭСР, с 3 % в 2004 году до 2 % – в 2007 году. Получается, что страна упускает как экономическую выгоду, так и политические возможности «мягкого» влияния на международную обстановку через распространение русского языка, российской культуры и ценностей, достижений отечественной науки. Если в течение ряда лет Советский Союз занимал 2-е место после США по числу иностранных студентов, то современная Россия находится на 9-м месте.

Что же обеспечивало СССР передовые позиции в экспорте образовательных услуг? Важную роль по отношению к начальному и среднему профессиональному образованию сыграл тот фактор, что в течение десятилетий в странах Африки, Юго-Восточной Азии действовали учебные центры подготовки квалифицированных рабочих из числа местного населения. Преподавателей и мастеров производственного обучения, которые в них работали, отбирали по конкурсу, а программы для обучения разрабатывали специально. В настоящее время, концептуальные и нормативные документы РФ не рассчитаны на предложение программ СПО зарубежным потребителям. Экспортный потенциал лучших колледжей остается невостребованным, что не соответствует реальной практике и нашей истории. В конце 20-х годов XX века Антон Макаренко, создавая коммуну имени Ф. Э. Дзержинского под Харьковом, принял решение выпускать силами коммунаров фотоаппараты. Вокруг – хозяйственная разруха, а в качестве трудового ресурса – юные воришки и беспризорники. В таких условиях производить столь сложную для того

времени технику, которую, кстати, никто в стране не делал, казалось полным безумием. Но у А. С. Макаренко были «здоровая наглость и воля» – и появились первые советские ФЭДы.

Доля РФ на международном рынке высшего образования по числу иностранных студентов (их около 100 тыс.) составляет 4–5 %, а ежегодный доход от обучения – 150–200 млн долларов. Наша страна контролирует 0,5 % мирового рынка образовательных услуг. Такова реальность. Однако это не означает, что у нас плохое высшее образование и нам нечего предложить иностранцам. Ориентируясь на реальные цифры, хотелось бы сделать совсем другие выводы: нельзя строить действия на иллюзорных основаниях, нужны реальные оценки рыночных преимуществ и недостатков российского профессионального образования для иностранцев, а еще нужно понять, как они соотносятся с требованиями глобального рынка.

Экономисты оценивают объем потенциального экспорта российского высшего образования в 0,54 млрд долларов. Стало быть, с учетом жизнеобеспечения студентов экономический эффект будет двукратным. На сегодня мы владеем следующими преимуществами: опыт создания лучшего в мире образования; солидный исторический опыт обучения иностранных студентов; фундаментальность образования, которую удалось сохранить даже в последние крайне тяжелые пятнадцать лет; дешевизна образования: обучение в наших вузах обходится иностранцам в 2–5 тыс. долларов в год, что существенно меньше, чем в других странах. Проживание в России так же дешевле, чем, например, в Англии. Необходимо понимать, что низкие цены прельстят совсем небольшое число европейцев и американцев, но абсолютно точно будут аргументом для студентов из стран третьего мира и СНГ. И среди них обязательно окажется немало таких, которые выберут для обучения не высшее, а среднее специальное учебное заведение.

В настоящее время колледжи практически исключены из процесса интернационализации. Пока только формируется городская стратегия интернационализации профессионального образования СПО, которая должна предложить комплекс мер по развитию связей с регионами и расширению реального сотрудничества с зарубежными колледжами. У нас пока нет организации (агентства, службы, бюро), занимающейся развитием академической мобильности студентов и педагогических работников учреждений СПО, которая предприняла бы все необходимое для обеспечения сопоставимости и сравнимости документов об образовании. Работу по ее созданию (в границах госзадания) можно было бы закрепить за НИИ развития профессионального образования. Неразвита и система государственной статистики академической мобильности иностранных и московских студентов и преподавателей учреждений СПО.

Образовательные программы и курсы по истории, экономике, культуре, русскому языку для зарубежных абитуриентов и студентов

колледжей и техникумов, а также трудовых мигрантов не разрабатываются, хотя это могли бы делать НИИ развития профессионального образования, УМЦ профессионального образования и другие сетевые учреждения.

Отсутствует специализированный интернет-портал на русском и основных иностранных языках (английском, казахском, киргизском, армянском и др.), на котором содержалась бы объективная информация о возможностях получения рабочих профессий и специальностей СПО в московских колледжах.

Анализ деятельности колледжей Москвы (за 2011 – 2012 гг.) в статусе городских экспериментальных площадок показал, что меры по интернационализации образования, предпринимаемые на уровне колледжей, можно охарактеризовать как точечные и научно не обеспеченные. Для обучения иностранных студентов не хватает ресурсов. Нет рекомендованного Перечня специальностей СПО, по которым проводится обучение, не разработаны программы по спецдисциплинам на иностранных языках, несопоставимы квалификации и не развивается практика публичной защиты дипломов и курсовых на иностранных языках.

Все перечисленное показывает, какие задачи предстоит решить, для того чтобы включить российские колледжи в процесс интернационализации.

Еще одним важным моментом являются эмиграционные настроения школьников. Так, почти половина московских старшеклассников имеют намерение эмигрировать из страны. Об этом свидетельствуют результаты последнего исследования Института социологии образования РАО: 41,8 % подростков мечтают работать за границей, 46,3 % – хотят продолжить там образование, а 40,2 % – перебраться на постоянное место жительства. Социологи считают эти показатели весьма тревожными и предвещают мощную волну эмиграции из России, причем совершенно нетипичного характера. Если в конце 80-х – начале 90-х годов XX века за границу стремились люди, имеющие семьи, а мотивацией служила забота о будущем детей, то в настоящее время все наоборот: подростки стали более самостоятельными и сами строят эмиграционные планы.

Исследуя мотивы планируемой эмиграции, специалисты выявили у московских старшеклассников шесть ведущих фобий. Три из них связаны с опасениями, касающимися самореализации: профессиональной, личной и материальной. Другие три касаются возможных проявлений социальной агрессии: боязнь стать жертвой насилия, теракта, войны. Уехать за границу на постоянное место жительства собираются прежде всего дети из состоятельных семей и очень бедных. Первые, чаще всего ориентируются на опыт родных и знакомых, вторые не видят другого выхода. Почти 11 % московских школьников хотят уехать за границу по примеру родственников. В нашей стране люди не уверены в будущем, и эта неуверенность сказывается на еще не сформировавшейся психике

подростков. Кроме того, молодым людям важно быть успешными, а переехавшие за границу воспринимаются именно как успешные. Дети из бедных семей имеют аналогичную мотивацию, только еще более мощную. Они не видят для себя «социальных лифтов» в России, и потому хотят попытаться счастья в других странах.

Социологи отмечают, что эмиграционные настроения подростков связаны еще и с развитием информационных технологий. Сейчас в интернете легко узнать, какие документы нужны для переезда, найти новых знакомых в любой стране. Часть российских подростков неплохо владеет английским языком, стирается языковой барьер для эмиграции. Социологи выяснили: в страны Евросоюза намерены отправиться 37,5 % старшеклассников, блестяще владеющих английским.

Есть еще одна причина: молодежь уверена, что, оставаясь в России, не сможет избавиться от родительского надзора. На Западе молодые люди в восемнадцать лет легко уезжают из отчего дома. В любом крупном городе они могут без проблем снять доступное жилье, найти работу, устроиться на учебу.

Как же изменить ситуацию и решить проблему? Адекватным способом нам представляется переход к модели сетевого колледжа, который функционирует в правовом статусе автономного учреждения. Задача сетевого колледжа – обеспечить позитивную социализацию и успешную учебу подростков, что и является адекватным ответом на вызовы изменившейся культурной, социальной и технологической среды. Принципиальная особенность такого учебного заведения – раннее включение школьников в различные программы проектирования своей профессиональной карьеры и основанной на этом социальной успешности.

В структуру сетевого колледжа могут войти (с потерей юридического лица) общеобразовательная школа, в том числе малокомплектная и вечерняя, центр профессиональной ориентации, профессиональный лицей, отраслевой ресурсный центр, негосударственное образовательное учреждение.

По различным экспертным оценкам, в России примерно 20 % школ, которые относят к категории слабых и не обладающих возможностями для качественного воспитания и обучения. Такие учебные заведения дают до 50–60 % низких оценок. Попавший туда ребенок является заложником плохой образовательной, карьерной и жизненной траектории. Если у него не будет профессии, он гарантированно станет бедным, иждивенцем государственного бюджета. Эту ситуацию надо менять в пользу всеобщего среднего профессионального образования.

В процессе обучения в ссузе у молодого человека формируется рациональное экономическое мышление, и он начинает понимать, что его зарплата зависит не от иллюзорных мечтаний, а от полученной квалификации. Для справки: в России поступают в вузы 80 % школьников, в США – 44 %, в Германии – 38 %.

Российские работодатели говорят об острой нехватке квалифицированных исполнителей (рабочих, техников, мастеров, ремесленников), это тоже аргумент в пользу всеобщего среднего специального образования.

Практика интернационализации в сфере СПО, нормативно-правовое обеспечение сетевых колледжей как форматов межрегионального и международного сотрудничества только формируются. Чтобы не потерять эти «точки конкурентоспособности» учебных заведений, по мнению участников круглого стола, нужны воля и здоровая наглость. А аргументировать свою позицию надо делами, не забывая наш исторический опыт.

С. О. Калганова

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Международные связи при подготовке специалистов СПО – насущная необходимость в глобальном мире. Глобальный мир – мир, в котором существуют единые стандарты в различных сферах жизни общества. Например, в наш город пришли мировые гостиничные сети – Хаятт Ридженси, Парк Инн, – и требования к персоналу в них такие же, как в других городах планеты. Мы живем в городе, который представляет собой стремительно развивающийся мегаполис. У нас не первый год проходят международные мероприятия, в том числе самого высокого уровня. Достаточно вспомнить САММИТ ШОС. Английский, немецкий, французский, итальянский, испанский, китайский и другие языки постоянно звучат на улицах Екатеринбурга. Уже сейчас город начал готовиться к чемпионату мира по футболу, который пройдет в 2018 и привлечет к нам огромное количество иностранцев. В настоящее время в городе строится 11 гостиниц. Поэтому к работникам сферы сервиса предъявляются теперь новые требования. Они должны соответствовать международным стандартам: блестяще владеть профессией, знать иностранные языки, уметь общаться с представителями различных культур. В таких условиях Уральский колледж бизнеса, управления и технологии красоты хочет, чтобы наши студенты были подключены к этому процессу глобализации и международного общения, чтобы они не чувствовали себя провинциалами из колледжа на Вторчермете, а были конкурентоспособными и ощущали уверенность в своем образовании и в своих силах.

Болонское соглашение о создании единого европейского образовательного пространства, подписанное в 1999 году, касалось высшего образования, но аналогичный процесс идет по всем уровням образования.

Для того чтобы обеспечить соответствие качества профессионального образования своих выпускников международным требованиям рынка труда Уральский колледж бизнеса, управления и технологии красоты раз-